

Слово о Халеле Досмухамедове

Султан АКИМБЕКОВ,

директор Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента

130 лет со дня рождения Халела Досмухамедова, которые мы будем отмечать 24 апреля, это не только хороший повод еще раз вспомнить об одном из великих представителей казахской интеллигенции начала XX века, именем которого в Казахстане названы улица в Алматы, университет в Атырау и колледж в Уральске. Это еще и возможность поговорить об истоках нашей современной государственности.

Безусловно, Халел Досмухамедов играл заметную роль в бурных политических событиях начала XX века. Он находился в эпицентре важных событий, ему довелось участвовать в важных процессах, которые имели огромное значение для казахской государственности. Например, в 1917 году всего в 34 года он был председателем первого Казахского съезда, проводившегося в Оренбурге.

В 1918 году от имени Алашорды он вместе со своим однофамильцем, другом и соратником Жаханшой Досмухамедовым принимал участие в переговорах с руководителями Советской России Владимиром Лениным и Иосифом Сталиным. В том же году Халел вместе с Жаханшой создали так называемое Западное отделение Алашорды с центром в Джамбейты. У Алашорды было много региональных структур – на юге, на востоке, но именно на западе, в Джамбейты, была предпринята попытка создать отдельную автономную систему государственного управления.

Здесь надо отметить, что все структуры Алашорды по территории Казахстана взаимодействовали с белыми движениями и часто зависели от них в финансово-экономическом и военном плане. Военные формирования входили в состав белых частей, обычно казачьих, находились под их командованием. Парадокс заключался в том, что все деятели Алаш исходили из идей национальной автономии, в то время как все белые движения опирались на концепцию сохранения единой и неделимой России.

Кроме того, участие в гражданской войне на стороне белых никак не помогало решить главный для казахского общества вопрос о земле. Потому что казачья войска в Казахстане традиционно владели огромными массивами земли, в частности 10-верстной полосой земли вдоль всех крупных рек, которую они сдавали в аренду казахам и крестьянам-переселенцам. То есть победа белых просто сохраняла статус-кво. Тогда почему деятели Алашорды все-таки выступали против красных?

Дело здесь, скорее всего, в том, что, во-первых, с 1918 года белые движения взяли под контроль практически всю территорию Казахстана, и с этим фактом надо было считаться. Во-вторых, потому, что в ходе гражданской войны в республике местное русское население разделилось на две группы. Казаки выступали за белых, а крестьяне-переселенцы – за красных. Главной причиной такого разделения был вопрос о земле.

Переселенцы начала XX века хотели лишиться казаков преимуществ в вопросе землепользования. В этой ситуации, а также после жестокого подавления восстания 1916 года, у казахского населения, естественно, было сложное отношение к обеим группам русского населения. Однако существовала и разница.

С одной стороны, они были более дисциплинированы в отличие от крестьян-переселенцев, которые в ходе этого бунта, по свидетельствам очевидцев, проявили особую жесткость.

С другой стороны, на начальном этапе, в 1918 году, антибольшевистское движение в России состояло из представителей демократических партий, правых социалистов-революционеров (эсеров), меньшевиков из российских социал-демократов, а также

бывших кадетов и октябристов. Оно выступало под лозунгом демократической республики и было позитивно настроено по отношению к автономистским движениям.

В частности, в 1918 году, накануне переворота, осуществленного адмиралом Колчаком, в Уфе прошло совещание представителей Сибирского правительства, состоявшего из эсеров, поволжского правительства Комитета учредительного собрания и национальных движений – башкирского и казахского Алашорды. На совещании обсуждался вопрос о послевоенном устройстве России, включая возможность создания автономии. Переворот Колчака кардинально изменил ситуацию.

Казалось бы, почему Алашорду и башкирское национальное движение не привлекли известные лозунги российских большевиков о праве наций на самоопределение. К этому времени правительство Ленина уже признало, в частности, независимость Финляндии. Дело здесь, скорее всего, в том, что все видные деятели Алашорды получили образование в высших учебных заведениях России. В годы после первой русской революции они были вовлечены в российское демократическое движение, многие из них состояли, например, Алихан Бокейханов, в партии кадетов (конституционных демократов) и по своим взглядам были близки к либеральным кругам.

Их политика по отношению к белым и казакам была прагматичной, как и у эсеров и русских либералов. Например, эсеры входили в состав правительства Колчака. Все эти либералы полагали, что после победы над большевиками Россия все равно не будет прежней монархией, за что боролись многие офицеры и казаки в белых армиях. Следовательно, деятели Алашорды могли полагать, что будет свой шанс и у автономистов.

Однако зависимость от белых негативно сказывалась на положении Алашорды. Мало где им удавалось создавать собственные структуры власти. Возможно, один из немногих примеров был связан с деятельностью западного отделения Алашорды. Здесь не только формировали самостоятельные воинские формирования и даже открыли свою офицерскую школу. Хотя эти казахские полки входили в состав казачьих частей, но в целом отношения руководителей Западного отделения – Халела и Жаханши Досмухамедова – с Уральским казачьим войском строились на договорной основе. В частности, они отказались направить все имевшиеся части на фронт против красных, что было причиной трений с белыми.

Более важно, что в этом сравнительно небольшом объединении осуществлялись попытки государственного строительства. Были созданы постоянно действующие суды не на основе адата, а на российской правовой системе. На регулярной основе осуществлялся сбор налогов и податей, которые шли на финансирование деятельности правительства, создание систем здравоохранения и образования, почту, телеграф и даже места заключения. На подконтрольной территории было введено земское самоуправление. Хотя территориально под контролем Западного правительства Алашорды находилась сравнительно небольшая территория – часть нынешних территорий Атырауской и Западно-Казахстанской областей по левому – азиатскому берегу реки Урал, но это было практически государственное объединение.

Сбор налогов, естественно, не вызывал особых симпатий у населения, и это обстоятельство послужило основой для последующей критики деятельности правительства Алашорды в советское время. Однако в то же время сбор налогов обеспечивал определенную степень независимости правительства в Джамбейты, это в свою очередь придавало им дополнительный политический вес.

Именно с этим очевидно и были связаны попытки советской власти вступить в секретные переговоры с «правительством Досмухамедовых». Было предпринято несколько таких попыток, в Джамбейты отправлялись представители с предложениями договориться. Этому вопросу в Москве придавалось большое значение. Хотя военных сил у западного правительства все равно было немного и в военном плане оно не могло представлять собой особой ценности для советской власти и, в частности, для борьбы с

уральскими казаками. Последние имели подавляющее превосходство над всеми войсками правительства в Джамбейты.

Смысл для Москвы здесь заключался в том, что у Досмухамедовых в распоряжении находилась пусть небольшая, но все-таки государственная структура. И это повышало их ценность в вопросе привлечения на сторону Советской власти представителей казахского национального движения. Если бы удалось договориться с правительством Западного отделения Алашорды, то это значительно облегчило бы дальнейшее продвижение советской власти вглубь казахских степей и переход на его сторону остальных представителей Алашорды. К этому моменту на сторону советской власти уже перешел ряд деятелей Алашорды, включая Ахмета Байтурсынова, но они представляли самих себя, а не государственную структуру.

Сами Халел и Жаханша Досмухамедовы предпочитали уклоняться от конкретных договоренностей. Они наблюдали за тем, как будет разворачиваться борьба на фронтах гражданской войны, стараясь при этом избегать активного участия в военных действиях. При этом переговоры с советскими представителями велись не только о судьбе представителей движения Алашорды, что было естественно, но и о судьбе автономистского проекта относительно казахских территорий.

У большевиков здесь был серьезный аргумент, связанный с их национальной политикой и правом наций на самоопределение. Однако они не хотели представить дело как переговорный процесс и настаивали на капитуляции с предоставлением гарантий безопасности.

Но Досмухамедовы до последнего не соглашались. Даже поражения белых не изменили ситуации. Несмотря на явные успехи на фронтах, советские представители все равно пытались достигнуть договоренностей с Джамбейты. Осенью 1919 года Реввоенсоветом 4-й армии была образована специальная группа для проведения переговоров во главе с Лежавой-Мюратом. Переговорщики настаивали на неизбежности поражения белых и говорили, что между большевиками и Алаш нет явных противоречий. Одновременно с целью оказания давления советский командующий Михаил Фрунзе выпустил обращение к казахским трудящимся с призывом «свергнуть власть буржуев-досмухамедовых».

Однако первый шаг все-таки сделали большевики. 4 ноября 1919 года Реввоенсовет Туркестанского фронта объявил об амнистии деятелям Алашорды, кроме того было заявлено о готовности предоставить казахам автономию. 7 декабря было отправлено обращение к западному правительству Алашорды. 10 декабря его обсудили на собрании представителей местного самоуправления в местечке Кызыл-Кога, где приняли решение пойти на переговоры с советской властью и начать боевые действия против казаков. Особо было отмечено, что в заявлении от 4 ноября говорится об автономии для казахов, что соответствует политической программе Алашорды.

В декабре 1919 года войска западного отделения Алашорды выступили против казаков и перешли на сторону советской власти. Причем они намеревались представить это как реализацию совместных договоренностей. Однако для большевиков это было по понятным причинам неприемлемо. Поэтому они постарались представить ситуацию как капитуляцию на основании указа об амнистии 4 ноября. Но определенные опасения у советских представителей все же были, поэтому они постарались изолировать руководство западного отделения. Пятеро представителей руководства, включая Халела и Жаханшу Досмухамедовых, были отправлены в Москву. Заметим, что другой видный деятель Алашорды Ахмет Байтурсынов, который несколько ранее перешел на сторону советской власти, был введен в состав Киргизского (Казахского) РВК. Разница заключалась в том, что Байтурсынов представлял только себя лично, а Досмухамедовы целую структуру, опирающуюся на государственные институты, включая суды, систему самоуправления и т. д.

Стоит отметить, что вся эпопея с участием Алашорды в гражданской войне в России, несмотря на ее печальный исход, все равно имела большой смысл. Европейски образованная казахская интеллигенция была активным участником политических процессов, причем не только в Казахстане, но и во всей Средней Азии. Ее представители участвовали в самых сложных переговорах с лидерами противоборствующих тогда в России сторон.

По большому счету итогом гражданской войны стала демонстрация возможностей национальных меньшинств бывшей империи. А это привело к повышению их статуса в структуре нового государства. И хотя представители Алашорды впоследствии подверглись репрессиям, их дело не пропало. Они фактически создали условия для появления нашего современного государства. Мы знаем другие национальные образования, которые в итоге остались автономиями в составе Российской Федерации, но Казахстан все-таки стал союзной республикой, что согласно Конституции СССР открыло дорогу к государственной независимости. Хочется верить, что те возможности, которые в бурных политических процессах гражданской войны и сразу после нее продемонстрировали представители казахской интеллигенции, сыграли в этом свою роль.

Их было действительно очень много, и они могли решать самые разные по уровню задачи. Мустафа Чокай и Мухамеджан Тынышпаев были руководителями так называемой Кокандской автономии. В советской истории их называли первыми басмачами, а на самом деле это была первая попытка демократического устройства в Средней Азии, которую предприняли местные прогрессисты. Турар Рыскулов и Надир Тюрякулов возглавляли Туркестанскую республику, а затем находились на руководящих постах в Москве. Санжар Асфендиаров создавал медицинский университет и первый госуниверситет, затем был директором института востоковедения в Москве.

Последние трое были коммунисты, у алашординцев возможностей участвовать в политике в СССР было меньше. Хотя многие из них занимали посты во вновь образованной казахской автономии. Но большая часть занялась наукой и просвещением. Халел Досмухамедов осел в Ташкенте и возглавил Казахскую научную комиссию. Он руководил Казахским институтом просвещения (Казинпрос), редактировал журнал «Сана», участвовал в работе комиссии по национально-государственному размежеванию в Средней Азии. Халел писал книги по истории, медицине, культуре, занимался переводами. В 1928 году он переехал в Алма-Ату по приглашению Ураза Джандосова для создания Казахского государственного университета. Здесь он работал первым проректором. Сейчас это Алматинский государственный педагогический университет. Затем Досмухамедов подвергся репрессиям. В 1930 году был сослан в Воронеж. А в 1937 году был арестован, этапирован в Алма-Ату и в 1939 году умер в тюремной больнице от туберкулеза.

Говорят, что у каждого человека в жизни есть своя миссия. Жизнь Халела Досмухамедова была трагичной, но он оставил значительный след на родной земле. Его труд стал очень важным вкладом в государственность Казахстана, а многие написанные им слова до сих пор имеют большой смысл и значение. В 1904 году, будучи студентом Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, 21 года от роду, он писал в Казань своему коллеге: «Когда подумаешь, что кроме тебя десятки или даже сотни казахов получают высшее образование, то приходишь к заключению, что и этот народ способен к труду и прогрессу, что и он, может быть, когда-нибудь займет в мировом господстве одно из высоких мест, что и он может сделаться второй Японией, а не вымрет, как другие инородцы». Если отбросить в сторону юношеский максимализм, то это слова зрелого, неравнодушного человека. И можно не удивляться, что в 34 года он стал председателем Казахского съезда, в 35 лет ездил на переговоры с Лениным, а в 36 лет создавал первые государственные институты для казахской автономии, написав множество статей и книг.

Халел Досмухамедов прожил свою жизнь не зря, и его труд – это лучший памятник недолгой, но очень яркой жизни и деятельности во благо Родины.